

На картине красовались два оттиска красной киновари: первый принадлежал Хозяину Кабинета Малых Искусств, а второй — Ван Цзыфэну.

Тан Шэнь задержал взгляд на имени «Ван Цзыфэн».

Тан Шэнь перенесся в этот древний мир всего полгода назад и почти все время провел в деревне Чжаоцзя. У него не было возможности соприкоснуться с живописью и каллиграфией, не говоря уже о творениях известных мастеров. Но в прошлой жизни, в докторантуре, его научный руководитель был страстным ценителем каллиграфии и живописи. Сам он преподавал точные науки, но обожал коллекционировать свитки литераторов, так что Тан Шэнь волей-неволей тоже начал в этом немного разбираться.

Обычно на печатях литераторов вырезали их псевдонимы — к примеру, Ли Бо подписывался как «Отшельник Цинлянь», а Су Ши — как «Отшельник Дунпо». Если же на оттиске стояло просто имя, это означало одно из двух: либо автор еще слишком молод и неопытен, чтобы обзавестись псевдонимом, либо его литературная слава столь блистательна, что его имя и без того гремит на весь мир.

Неужели он, дилетант, что-то перепутал?

Поразмыслив немного, Тан Шэнь решил придержать свои сомнения при себе. Он произнес:

— Учитель, ваш ученик глуп, я лишь попусту хвастался. На самом деле я совершенно не умею ценить живопись.

Лян Сун с улыбкой заметил:

— А ты честен.

Тан Шэнь происходил из бедной семьи, да и лет ему было мало. Заяви он, что понимает в искусстве, это прозвучало бы слишком фальшиво.

Тан Шэнь тут же сменил тему:

— Но мне кажется, что сама картина невероятно красива, и стихотворение прекрасное, да и почерк замечательный.

Лян Сун спросил:

— И нарисовано красиво, и написано хорошо? Довольно простая у тебя похвала. Ну а сам как думаешь: что же удалось лучше — картина или каллиграфия?

Тан Шэнь опешил. Выходит, картину писал один человек, а каллиграфию — другой?

Внешне Тан Шэнь остался спокоен, но про себя крепко задумался. Не то чтобы он действительно совсем не смыслил в искусстве — в прошлой жизни ему не раз удавалось провести своего шефа. Но простому Тан Шэню из деревни Чжаоцзя не полагалось разбираться в таких тонкостях. К тому же эту картину явно написал друг Великого ученого Ляна.

Помолчав немного, Тан Шэнь самым искренним тоном произнес:

— Все выполнено великолепно. Вашему ученику ни за что не написать такую картину и не вывести такие иероглифы.

Уж если он принизит себя, к нему точно не возникнет вопросов.

Лян Сун расхохотался:

— Каллиграфия принадлежит кисти Цзыфэна. Он с детства наделен исключительным талантом, и всем ведомо, что в каллиграфии и живописи ему нет равных. Сравняться с ним тебе и впрямь будет тяжело. Но вот с картиной дело другое — ее написал старик Юй. Мастерства у него кот наплакал, и за столько лет он ничуть не продвинулся. Так что его ты вполне сможешь догнать.

Тан Шэнь то кивал, то мотал головой:

— Учитель, вы шутите над вашим учеником.

После этого разговора атмосфера в беседке стала еще непринужденнее.

Они выпили и перекусили. Тан Шэнь держался свободно и с достоинством, не заискивал и не трепетал от страха, чем вызвал явное одобрение Великого ученого Ляна. Когда подали еще один чайник, Лян Сун со стуком поставил пиалу на стол и с улыбкой спросил:

— Три месяца назад ты спросил меня, ради чего учатся книжники.

Услышав это, Тан Шэнь понял, что разговор переходит к главному, и тут же отложил палочки.

— Да, ваш нерадивый ученик тогда осмелился спросить об этом.

Лян Сун продолжил:

— В тот день ты ответил, что книжники учатся, дабы познавать книги и постигать истину. Верно?

— Верно.

— И ты не ошибся. Учеба помогает постичь истину, чтобы понимать суть вещей и отличать правду от лжи. Тогда я не дал тебе ответа. Но сегодня, когда мы встретились вновь, Тан Шэнь, ответь мне: остался ли твой ответ прежним?

Тан Шэнь на мгновение замялся. Он не совсем понимал, к чему клонит Великий ученый Лян, но все же ответил:

— Да.

Лян Сун слабо улыбнулся и со вздохом произнес:

— «Вдова не печется о своем утке, а сокрушается о гибели дома Чжоу. Какая участь ее ждет?»

Тан Шэнь поднял голову и невольно переспросил:

— А?

Великий ученый Лян посмотрел на стоявшего перед ним миловидного, словно выточенного из нефрита отрока. В глубине его пронизательного взгляда читалось одобрение, смешанное с едва уловимой грустью.

— Вот тебе мой ответ.

Даже покинув Поместье Лян, Тан Шэнь так и не понял смысла сказанных Великим ученым Ляном слов. Он даже толком не знал, откуда взята эта цитата.

Тан Шэнь собирался вернуть приглашение дворецкому Поместья Лян — по обычаю, после визита его следовало отдать обратно хозяевам. Однако дворецкий остановил его:

— Молодой господин Тан, пожалуйста, оставьте приглашение себе.

Тан Шэнь удивился:

— Зачем?

— Таково распоряжение господина.

...Распоряжение Великого ученого Ляна?

Тан Шэнь впервые оказался в таком тупике. Полный сомнений, он отправился домой.

Вернувшись, семья Тан вчетвером устроила праздничный обед и принялась любоваться хризантемами. Членов семьи было мало, всего четыре человека, но все обычаи Праздника Двойной Девятки они послушно соблюли. В черте управы Гусу гор не водилось, но сразу за городом начинался пологий холм, а дальше тянулись горы Тяньпин, Сишань и Дуншань.

Тан Шэнь решил упростить обряды: они лишь поднялись на этот холм и прикрепили по веточке кизила.

Когда стемнело, Тан Хуан с радостным видом вытащила во двор горшок с хризантемами, и все четверо принялись ужинать, любуясь цветами.

Тан Шэнь подразнил сестру:

— Какая же ты формалистка для своих лет.

— А что такое «формализм»?

— Объясню — все равно не поймешь.

— Это почему я не пойму? Все я пойму! Наверняка это какое-то ругательство.

Тан Шэнь громко рассмеялся.

Прошло четыре или пять дней. Тан Шэнь то и дело доставал подаренное Великим ученым Ляном приглашение и внимательно его изучал.

Еще в день праздника он понял: Великий ученый Лян отдал ему это приглашение неспроста — здесь явно скрывался какой-то тайный смысл.

Сначала Тан Шэнь решил, что Великий ученый Лян зовет его отобедать в честь Праздника Двойной Девятки, так как в приглашении говорилось о любовании хризантемами. Он рассудил, что встреча состоится днем, а не вечером, поскольку Лян Сун, будучи правителем управы Гусу, вечером должен был присутствовать на официальном праздничном приеме и принимать глав влиятельных семейств и богатых торговцев. Свободного времени у него попросту не нашлось

бы.

И догадка подтвердилась, однако...

— Что же еще я упустил?

Кроме того, Тан Хуан тоже перерыла все Четверокнижие и Пятикнижие. К сожалению, в них так и не нашлось фразы о вдове, не пекущейся о своем утке. Тан Шэню оставалось лишь отложить поиски до тех пор, пока не подвернется случай заглянуть в другие книги.

Торговля лепешками шла все лучше и лучше. Тан Хуан потихоньку прятала выручку в свою тайную копилку. С приходом осени ощутимо похолодало, и съесть с утра горячую лепешку из смеси злаков было сплошным удовольствием, так что покупателей с каждым днем прибавлялось.

Тан Шэнь поначалу собирался ограничить продажу двумя сотнями лепешек в день, но Яо Сань и Тётушка Яо наотрез отказались от этой затеи.

Яо Сань убеждал его:

— Молодой хозяин, отдыхайте. Ступайте учиться, а я буду вставать спозаранку и печь столько лепешек, сколько смогу продать.

На данном этапе устраивать искусственный дефицит не имело особого смысла. Злаковые лепешки Тан Шэня уже прославились на всю улицу Суйцзинь, и каждый день покупатели приходили издалека специально ради них. Заметив, что Тан Шэнь часто перелистывает Четверокнижие и Пятикнижие, Яо Сань решил, что тот всерьез вознамерился взяться за учебу, и потому полностью взял готовку на себя.

Тан Шэнь не стал возражать. К учебе он пока не приступал, но у него действительно нашлись другие дела.

— Брат Яо, сходи купи негашеной извести и закваски для теста.

Закваска — популярное средство для разрыхления теста, по своему химическому составу близкое к пищевой соде из будущего. Для злаковых лепешек она была без надобности, но при приготовлении баоцзы и маньтоу без нее не обходились. Яо Сань решил, что Тан Шэнь хочет расширить торговлю:

— Молодой хозяин, мы теперь и баоцзы продавать станем?

Тан Шэнь сразу понял, что Яо Сань заблуждается, но пускаться в объяснения не стал:

— Сначала просто купи, а там видно будет.

Вскоре Яо Сань вернулся с двумя мешками за спиной.

В доме семьи Тан было два больших железных котла. В древности подобные котлы, совсем как в деревнях будущего, намертво встраивались в печь, и сдвинуть их с места было невозможно — разве что на кухнях больших трактиров. Оба домашних котла Тётушка Яо использовала для приготовления еды.

Осмотрев их, Тан Шэнь обратился к помощнику:

— Брат Яо, сходи купи еще один котел.

Когда Яо Сань принес новый котел, Тан Шэнь высыпал туда негашеную известь и залил водой.

При контакте с известью вода громко зашипела и мгновенно закипела.

Привлеченные шумом, Тан Хуан и Тётушка Яо поспешили во двор. Девочка с удивлением спросила:

— Брат, что ты делаешь?

Тан Шэнь ответил, не поднимая головы:

— Одну полезную вещь.

Реакция протекала бурно, и вскоре котел наполнился мутной молочно-белой смесью. Тан Шэнь тут же всыпал туда закваску и принялся помешивать раствор железным прутом, внимательно наблюдая за происходящим.

Яо Сань и женщины озадаченно переглядывались, не понимая, что происходит. Зато в будущем любой школьник старших классов сразу бы догадался, в чем суть этих манипуляций.

Все верно: он получал гидроксид натрия, более известный как каустическая сода.

После взаимодействия гашеной извести с закваской на дно котла медленно осел белый осадок, а на поверхности осталась прозрачная жидкость. Тан Шэнь терпеливо ждал. Когда реакция завершилась, он аккуратно приподнял котел и слил жидкий слой в глиняный кувшин.

В столь скудных условиях получить гидроксид натрия высокой степени очистки было невозможно, так что приходилось довольствоваться тем, что есть.

<http://bllate.org/book/18292/1754394>